

*Выбери реальность, в которой ты хочешь остаться.
Или исправь свою*

Екатерина Широкова

МИРЫ ПРО ЗАПАС

16+

Екатерина Николаевна Широкова

Миры про запас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63971462

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97277-3

Аннотация

Альтернативная реальность, в которой переписали весь XX век. Через сотню лет человечество уже не знает денег, границ и давно освоило космос. Работать здесь – привилегия для тех, кто действительно способен быть полезным. Управление готовит операторов времени, чтобы отправлять их в прошлое и радикально менять историю.

Екатерина Широкова

Миры про запас

Последний вопрос был про давно устаревшее и смешное слово «деньги».

Я вышла из аудитории с полным ощущением, что вот прямо сейчас у меня отрастают и расправляются крылья – избавилась от тяжкого груза переживаний о выпускном экзамене по теории управления альтернативной реальностью. Ну что же, высшая оценка – это вам не шутки, за красивые глаза не дают, пахать пришлось серьёзно.

Конечно, кое-кто не упустил случая выпустить яду про папочку в ленинградском Управлении, как будто в наше время это хоть что-то значит, но я не стану тратить нервы на завистливые перешёптывания всяких троечников.

И ведь никого не удивляет, что брательник получил распределение в американский филиал Управления, куда желающих ехать никогда не найдёшь, и потому посылают самых никчёмных или провинившихся, чтобы жизнь мёдом не казалась.

Если сын якобы большого начальника за каким-то лешим поехал работать в дикое поле, то это он экзотику любит, а не лентяй прирождённый. А если младшая дочь, то есть я, получила на тестировании столь впечатляющий балл и теперь сама могу выбирать время и место стажировки, то это, ко-

нечно, родственные связи сработали, а как же иначе.

Так типично для троечников – удобное слово «блат» у них с первого раза в голове отложилось, а концепция товарно-денежных отношений, принятая в обществе до объединения республик всех континентов, не освоена даже наполовину. Что говорить, Ленка на экзамене по истории не смогла объяснить значение слова «зарплата» и с самым непринуждённым видом плела, что это такая почётная нашивка на рабочий комбинезон, выдаваемая наиболее старательным кадрам ежемесячно.

Ежу ясно, что её никто и никогда не допустит даже близко к настоящим операторам запасных миров, даже техником-контролёром. Зачем училась, спрашивается? Но у нас все имеют право искать себя, так что, считай, развеялась маленько, прослушала программу обучения. Сможет хвастать на горнолыжном курорте или на пляже, что могла бы быть крутейшим техником временных циклов, но пока не выбрала конкретную эпоху.

Захотелось чуть-чуть праздника, и я запрыгнула в трамвай до Тулы. Через четверть часа уже бродила по набережной, а потом вдруг вспомнила, что обещала маме прийти пораньше, и по пути выбрала в автоматической чудо-кондитерской её любимых пряников, чтобы не ругалась.

Подходя к дому, мысленно уже настолько далеко унеслась в мечтах, что представила себя напарницей самого Каринского и в деталях вообразила, как он будет спрашивать у ме-

ня ценного совета, а я буду с умным видом закатывать глаза и выдавать блестящие замечания, почти не задумываясь.

Мама сходу угадала моё состояние и спросила, чмокнув в щёку:

– Что, Танюша, уже придумала небось, куда будешь проситься? Надеюсь, не слишком разогналась?

– Мам, я ещё ничего не решила. Завтра будет собеседование в отделе по распределению, вот и посмотрим, что посоветуют. Может, где-то конкретно нужны молодые специалисты моего профиля, так я сразу пойду, если надо. Безо всяких обид, не каждому же на амбразуру прыгать после университета.

– И совсем-совсем нет идей? Ты же можешь выбирать, и ты заслужила, девочка моя.

– На самом деле, одна идея есть. Думаю про конец двадцатого века. Что скажешь?

– Что мы с папой будем тобой гордиться! Он сегодня вечером вернётся с лунной конференции, хочешь, сходим куда-нибудь? Сейчас такая хорошая погода в Сочи.

Папа практически заставил позвонить брательнику, поделиться новостями. Несмотря на разницу во времени, мой вызов застал его уже на улице – на заднем фоне видно, как летает над полем похожий на гигантскую стрекозу колхозный робот с яркой надписью «Заря-411» на пузатом боку, а маленькая заспанная девочка только что выскочила из соседнего жилого модуля и босиком прошлёпала к био-грядкам,

собирать на завтрак клубнику. Настоящая заокеанская пастораль Айовы – не то, что у нас в Москве.

– Смотрю, у тебя там благодать! Как сам? Цветёшь и пахнешь?

– Танька! Давай, колись, как сдала? Нет, дай угадаю! Максимальный балл из всех возможных?

– Ну есть немного, если честно. Считаю, угадал.

– Ты всегда была такой занудой, – широченная улыбка растеклась по его лицу, – молодчина! Куда теперь?

– Не знаю, Саш, – не хотелось наступать на больную мозоль, но обойти по касательной вопрос распределения сейчас было трудно, – как пойдёт, завтра пойду общаться.

– Уверен, тебя сразу поставят в группу активаторов времени, – Саша даже присвистнул, – и ты будешь с настоящими профи работать. Возможно, даже познакомишься с такими легендами, как...

– Вовсе и не факт, – пора было менять тему, – что сейчас загадывать. Лучше расскажи, как у тебя там дела? Как идёт работа?

– Издеваешься? Как в нашей глуши может идти работа? Урожай сам сажается, сам выращивается, сам собирается, вот и всех событий хоть за целый год. Тут по-другому и не бывает, разве что залётные пацаны слишком шумно в ковбоев поиграют. Но они на отдыхе, приедут на пару-тройку дней с ваших краёв, и сразу назад, а то ведь тут и мухи на ходу засыпают.

Хотелось сказать что-нибудь ободряющее про то, как важно присматривать за сельской техникой, ведь это жутко полезное для всех людей дело, как ни крути, натуральная еда и всё такое, но если подумать, что наши роботы никогда не ломаются, то слова поддержки застревают в горле.

– Надо будет к тебе махнуть на выходные, Саш. Пока меня не отправили куда-нибудь в жутко скучное и невыносимое прошлое, где не просто мухи заснули, а сами активаторы забыли, что должны были сделать.

– Да ладно, это ты специально говоришь, утешить хочешь. Не надо, – он всегда умел видеть меня, как облупленную, – и не забывай, я твой старший брат, и должен насовать тебе в уши кучу напутственных слов, – а ещё он умел очень убедительно изобразить отсутствующий энтузиазм. – Лучше я к вам сметаюсь завтра-послезавтра, лады? Вся семья в сборе по случаю получения любимой дочерью диплома инженера времени по специальности оператор-модификатор! Даже звучит солидно, – и он наскоро попрощался, сославшись на якобы срочные дела.

Спать легла с неприятным чувством, как будто я чуть-чуть виновата, что его сослали в североамериканский пищевой кластер, житницу планеты, а не он сам, собственной персоной, из-за разгильдяйства.

Впрочем, утром вся эта шелуха вылетела из головы, и я предстала перед комиссией по распределению в самом бодром настроении.

Председательствовала Лариса Петровна, в прошлом знаменитая активатор середины двадцатого века – говорят, она даже умудрялась проигрывать ту большую войну. Трудно представить эту сухую и прямую, как палка, некрасивую женщину в роли вдохновителя человеческих душ, но факт остаётся фактом – её результат не оспорить.

Хотя – это мы ещё посмотрим, может, я всех тут удивлю.

– Татьяна Колесникова? – я кивнула в ответ. По правде говоря, колючий взгляд Ларисы Петровны немного царапал мои нервы. – Ну что же, мы тут все очень хотели взглянуть на вас. Потенциал впечатляет, скрывать не буду.

– Надеюсь, я вас не разочарую! – ответила бодро, лихорадочно думая, стоит ли прямо сейчас поразить их своими амбициями, или лучше пока поскромничать.

– Ну разумеется, нет, – она приподняла бровь, – иного мы и не ждём. В личном деле отмечено, что вы готовы к оперативной работе. Хорошо понимаете, что это обозначает?

– Конечно, – неужели она думает, что я столько лет училась для галочки. – Время, проведённое в альтернативных мирах, может составлять годы и даже десятилетия, а преждевременная выгрузка программой не предусмотрена, – знаю, шпарила почти по учебнику, но ничего не могла с этим поделать, – зато в точке выхода оператор имеет право на выходной, для адаптации к остающемуся без изменений телу.

– Прекрасно. Обычно мы предлагаем выпускникам прой-

ти стажировку в так называемой тестовой песочнице, но для вас готовы предложить кое-что более радикальное.

Начинающих операторов времени чаще всего отправляют в девятнадцатый век – любой локальный расклад меняется играючи, справится даже подросток, вооружённый азами техник активации, вот только и выхлоп не очень-то: пластичность эпохи настолько зашкаливает, что любые изменения истории удивительным образом проглатываются и всё упорно возвращается к накатанной колее.

Говорят, что один временных асов-первопроходцев на спор умудрился реформировать там чуть ли не каждую страну из заметных, добиваясь просто фантастических уровней просвещения, но финал всегда был один. И для аса довольно безрадостный, кстати. Может, это всё враки, но в университете, особенно среди первокурсников, упорно циркулируют совершенно дикие слухи про седого отца-основателя, разгуливающего ночами по коридорам Управления и пугающего случайно припозднившихся студентов страшным взглядом тысячелетнего старика.

Звучит смехотворно, зато прекрасно иллюстрирует действие исторического болота.

Не хочу туда. Хочу в двадцатый век – вот где мекка для альтернативщика! Грамотное вмешательство так расшатывает систему, что дух захватывает.

Лариса Петровна на мгновение задумалась, пролистав несколько экранов на столе и со значением посмотрев на кол-

лег, и вдруг выдала совсем другим тоном, мягко и даже заботливо:

– А не хотите ли вы, да с вашими талантами, попробовать пойти в напарники к Гене Каринскому?

Сказать, что у меня отнялись ноги, это ничего не сказать. Хорошо, что хоть не стояла перед ними, а то не видать мне задания, как своих ушей – впечатлительным барышням вряд ли предлагают такую работу. Поняв, что комиссия ждёт какой-то реакции, утвердительно дёрнула головой, а потом поспешно озвучила:

– Очень хочу! А он согласен?

– Если честно, это я вас предложил, – сбоку от полукруглого стола кадровиков материализовалась проекция мужчины, сидевшего на балконе с просто сногшибательным видом на взморье. Гена Каринский подождал эффекта от своих слов, но он просто не знал, что я уже на пределе своих выразительных возможностей, – Мне очень не хватает человека вроде вас.

Лавина восторга почти заглушила, но всё-таки до конца не погребла под собой один очень важный вопрос – с какого перепуга настолько нулёвому специалисту, как я, делают такие блестящие предложения?

Возле Управления на Красной Пресне всегда много людей и воздушных такси, снующих между высоченными башнями его многочисленных корпусов, плотно зажатых изгибом ре-

ки. Каринский галантно пригласил меня в как раз подлётывший двухместный роболёт и указал голосовому помощнику, что мы летим в Старый город, где когда-то заседали руководители русскоязычной страны.

– Танюша, наверняка вы сами сто раз бывали в кремлёвском музее и видели экспозиции по истории Центральной Евразийской Республики, но я хочу показать вам кое-что любопытное.

– Уверена, что я там каждый сантиметр знаю, – надеюсь, это не прозвучало слишком самонадеянно, но будущие активаторы альтернативных миров обязаны знать на зубок собственную историю.

– Не сомневаюсь, – роболёт плавно нёсся над рекой и сияющими на солнце крышами старинных зданий, – но гораздо важнее не то, что там есть, а то, чего там нет. Наша с вами задача как раз и заключается в запуске миров, максимально отличающихся от оригинального. Искусство изменить историю лёгким касанием в нужном месте и нужное время требует наблюдательности.

– По которой вы спец, – всё-таки улыбнулась ему, не в силах сохранять совсем уж строгий деловой тон перед живой легендой, на проверку оказавшейся невысоким мужчиной лет тридцати, с чуть-чуть грустными глазами и заурядным лицом. И он даже ниже меня!

– Спасибо, – живой Гена Каринский на улыбку не отреагировал и подправил роболёт, отметив на проекции карты

новую точку назначения, огромный монумент столетия всепланетного объединения на Красной площади, – Видите, на гранитной поверхности множество имён?

– Политики со всего света, приложившие руку к слиянию разрозненных стран, – и каждый школьник в курсе этого факта, между прочим.

– А знаете, кого тут нет? – вопрос явно был с подвохом.

– И кого же?

– Тех, кто норовил вставить палки в колёса. А ещё тех, кто мог вообще отменить объединение, если бы стал влиятельным человеком.

– И если мы аккуратно поможем этим редискам получить больше власти в прошлом, то в другой реальности всё может сложиться иначе, так?

– Именно, – Каринский хитро прищурился.

– Не хочу указывать на очевидное, но монумент, хотя и здоровенный с виду, но на нём же не больше нескольких тысяч имён. А население миллиардами меряется. Как нам поможет исключение из списка потенциальных объектов воздействия всего пары-тройки тысяч человек?

– А копать надо рядом. В биографиях лидеров всегда есть скрытые конкуренты. Кто-то, кто мог занять их место, а вроде бы просто мелькнул поблизости. Вы не поверите, какие удивительные порой делаешь открытия. Человек должен был стать комбайнёром, а вдруг становится важным политиком и разваливает по камушкам страну, из которой потом выросло

наше всеобщее братство.

– Мне кажется, или у вас есть конкретный кандидат на примете?

– Угадали! Очень занятный человек. Аналитики в техническом отделе зовут его Меченый, потому что у него родимое пятно на пол головы. Амбиции колоссальные, как у бронепоезда, а собственной воли практически нет. Идеальный вариант в нашем случае.

Признаюсь, не сразу, но я это увидела: как прилежный мальчик Миша Горбов под смешным кодовым именем «Меченый» может легко и просто превратиться из хорошего комбайнёра и мелкого лидера местной молодёжной организации в настоящего карьериста, способного изменить всё.

Техники временного анализа сначала смешно морщились и разводили руками, как это я не вижу очевидного, но Каринский лишь усмехался и всё повторял:

– Дайте ей время. Я тоже в первый раз ничего не мог разобрать в ваших загогулинах.

А потом раз – и картинка вдруг стала очень чёткой. Теперь, даже если бы крепко зажмурилась и помотала головой, не смогла бы потерять её в мелкой ряби вероятностных слов.

– Ну что, ухватила теперь? – и Гена Каринский с торжеством оглядел свою команду, слишком быстро готовую поставить на мне крест.

– И где ты её откопал? – толстяк с одобрением кивнул мне

и приблизил на модели детские годы объекта.

– Ты не поверишь, прямо в Университете.

– Там теперь так хорошо учат? – толстяк с ловкостью фокусника вся увеличивал и увеличивал картинку, тщательно всматриваясь в одному ему понятные в детали. – Кто у тебя преподавал расшифровку вероятностей? Митяева или Кац? – последнее явно было адресовано прямо мне.

– Кац, а потом ещё... – почувствовала неуверенность, как будто снова идёт экзамен, а я-то думала, что вот только что сдала самый распоследний.

– Угу, понятно... – толстяк снова кивнул, – вот, смотрите! – он замер и даже отошёл чуть подальше, чтобы полюбоваться на удачно пойманный ракурс.

– Отлично, вот это мы и попробуем, – и Каринский весело подмигнул мне.

Уже позже, запасаясь реквизитом и перепроверяя план загрузки альтернативной реальности, он спросил, чуть понизив голос:

– Волнуешься, Танюша?

– Да как-то страшно вот так по живому править.

– А ты не бойся. Ты, главное, помни, что все эти запасные миры, они ненастоящие. Конечно, глупо будет сесть в лужу, если не удастся сходу создать такую альтернативку, какую надо, но это ничего. Подправим в процессе, если придётся. Лады?

– Да я умом всё понимаю, просто как-то... Занервничала.

– Берём мальчишку, ошарашиваем его крепко по лбу, и он у нас дальше летит, как орёл. Делать нечего, аналитики всё рассчитали.

Наконец закончила распихивать вещи в потёртый сакво-ж и с громким щелчком захлопнула застёжку:

– Всё, я готова. Пошли, создадим новый и ужасный мир для всех нас?

Мы были одеты, словно пугало – зеркало в камере загрузки отражало молодую женщину в нелепом и непривычно тяжёлом зимнем пальто и коренастого мужчину в телогрейке.

Мороз обжёг щёки, а ещё я вдруг поняла, что за полтора-два столетия запах на планете сильно изменился. Что-то горелое или жжёное вперемешку с резкой нотой... Солярка? Оказывается, даже в деревне не очень-то легко дышать.

Боюсь представить, что же тогда ждёт нас в больших городах или около заводов.

– У них тут всегда так? – попыталась заткнуть нос рукавицей, потому что к странному аромату одежды уже почти притерпелась, пока техники настраивали аппаратуру для прыжка в прошлое. И сразу же дошло, конечно, что в целях маскировки под местную обязательно нужно научиться вдыхать полной грудью «свежий воздух».

– Привыкнешь. И это ещё не самое страшное.

– А что же самое?

– Да для всех оно разное выходит. Лично меня напрягает

их скорость. Когда это в цифрах, не так ужасно, но на практике едешь часа два или даже три, а потом бац – и ясно, что толком никуда не уехал... Вот тогда на своей шкуре начинаешь ощущать, насколько мы ускорились по сравнению с ними. И ещё бумаги... Всё от руки или печатная машинка, жуть. Невозможно же привыкнуть, – Каринский покачал головой.

– Ясно. Ну, сейчас нам сильно далеко не надо, мы почти на месте.

Всё, что нужно, это подойти к полевой почте и незаметно подбросить конверт в момент, когда кругом суматоха и фронтovou корреспонденцию только разбирают – район недавно освободили и сейчас вовсю налаживается работа.

Сотрудницы почты замечают меня, но им некогда, и мне легко удаётся отвести их слегка обеспокоенные взгляды, почти не затрачивая энергию на еле заметные касания к чужому сознанию – что я делаю? Зачем подошла туда, где не положено быть? Ничего-ничего, все заняты своим делом, не обращаем внимания... Работает безотказно, но сердце норovit прямо выпрыгнуть, и я ухожу слишком быстро, почти убегаю.

Каринский, издаലെка наблюдавший процесс, тепло жмёт руку и поздравляет с почином:

– Первая зарубка в твоём послужном списке созданных и тут же разрушенных миров. Не так плохо для начала!

Я стараюсь унять сердцебиение и вернуть способность

членораздельно разговаривать вместо невнятного мычания, и мы идём дальше.

Одноэтажный дом семьи Миши Горбова рядом, рукой подать. Сразу видно, что добротное раньше было хозяйство, даже наличники на окнах красивые. Отец на войну ушёл, как и у почти всего села – без мужиков пока.

И так по схеме активации получается, что если пацану и его матери фальшивое «извещение по форме № 4» прямо сейчас вручить, то эта недолгая потеря, буквально до следующего же настоящего отцовского письма, крепко обожжёт детское сердце. Обещает он сам себе, что всегда и во всём будет лучше других. Чтобы папка гордился им. И не просто слово даст и забудет потом, а зубами в него вцепится.

А потом начнёт мальчик Миша планомерно карабкаться по лестнице успеха и признания, пока не станет слишком поздно для всех. И вот тогда уже не стать этому бедному миру таким, как наш.

Ладно, это я рано радуюсь, а пока надо решать конкретные вопросы: последний и самый важный контрольный этап, и всё, вот тогда уже по домам.

– Рассказывай, что думаешь, – Каринский прислонился к довольно шаткому невысокому забору и внимательно посмотрел на меня.

Простое ожидание результатов моего хирургически точного вмешательства в жизнь этой конкретной семьи оказалось не таким уж приятным. И даже понимание, что мы всё

делаем правильно, не спасало.

– Что-то тошно мне от мысли, что сейчас будет.

– Нормальная реакция, все через это проходят, – Каринский покивал с сочувствием и почему-то отвёл глаза, – всегда думай о том, зачем мы это делаем. И особо не принимай на свой счёт.

– Смотри, почтальон, – сердце неприятно сжалось от неизбежности следующей сцены.

Через камеру-шпион на заборе дома Мишы Горбова мы отлично видели, как его мать ринулась к маленькой женщине с увесистой сумкой со странной смесью надежды и страха, и как мгновенно потухли её глаза при виде каменного лица почтальона, доставшего страшный конверт со штемпелями.

Миша ожидал от почты совсем не этого и с ужасом смотрел сейчас на мать, не в силах поверить, что то, чего они так боялись и о чём старались не говорить, всё-таки случилось. Отец не вернётся.

А уже позже увидели, как он сидит на крыльце, размазывая слёзы, и что-то шепчет себе под нос.

Всё получилось, как надо. Активация прошла настолько гладко, что даже дух захватывало, глядя на показатели, бодро полезшие в зелёную зону. И да, можно было возвращаться.

Каринский с плохо скрываемой гордостью наблюдал, как аккуратно убираю камеры и прочее оборудование, будто мой успех – его личная заслуга, даже обидно немного.

Впрочем, мне не терпелось поскорее снять всю эту одежду из прошлого, так что еле дождалась, когда можно было наконец запустить протокол возврата в наше время.

Разбор полётов провели сразу же.

Свежий и отпочковавшийся от оригинальной реальности мир после активации развился строго по плану. Его отличие от нашего получилось настолько приличным, что при захлопывании вероятностной петли выброс энергии на несколько порядков превысил затраты на нашу операцию. Идеально.

Каринский был в восторге, как и все присутствующие техники смены, а когда мне ещё и похлопали, глядя на итоговые цифры, боюсь, я раздула собственное самомнение уже до размеров заметного слона.

Пока медицинские боксы, успокаивающе жужжа, проверяли наше состояние, Гена Каринский болтал со мной прямо из соседнего отсека:

– Мы совсем мало там проторчали, но я всё равно настоятельно советую тебе взять положенные пару дней отдыха. Всех новичков тянет на трудовые подвиги и не хочется зря терять драгоценное время, но так ты просто перестаёшь жить в настоящем, понимаешь? Плохая привычка. Другие миры будут занимать большую часть твоего личного времени, так что не упускай ни единого шанса пожить здесь и сейчас.

Мне и правда теперь ужасно хотелось повторить успех.

– Так со всеми бывает?

– Только с теми, кто хорош. Но другие этим и не занимаются.

Мама не скрывала своего восхищения – ещё бы, настоящий герой, первое задание по активации альтернативного мира, и сразу в десятку. Мне даже не нужно было рассказывать, как всё прошло, а она уже знала в мельчайших подробностях: и отзыв куратора, и конечный выхлоп.

Впрочем, этого следовало ожидать: папа же не из последних людей по энергетике в Управлении и не отказал себе в удовольствии оперативно отследить, как у меня дела. А как только наверх доложили, тут же мамочке похвастался. Захотелось обидеться, как будто я маленькая девочка на детском утреннике, но это было бы ещё глупее, так что я не стала предъявлять претензии, а просто позволила маме себя расцеловать.

За ужином отец сказал много высокопарных слов, суть которых сводилась к «не завали важную работу, раз тебе её доверили». К счастью, в разгар душещепательной лекции позвонил брат и сообщил, что прилетит завтра утром.

– Что, надоело в Айове? – вопрос отца прозвучал даже грубо, но брат ответил спокойно.

– Просто хотел пообщаться с сестрой. Что, уже нельзя приехать?

– Не надо выворачивать мои слова, – отец нахмурился, а мама сделала ему страшное лицо, отвернувшись от проекции

видео-связи.

– Мам, я всё вижу, – Саша пожал плечами, – и ты зря стараешься. Так я приеду?

– Конечно, сынок, – мама послала ему воздушный поцелуй и отключилась, набросившись на отца. – Ну и зачем ты так с ним? Хочешь, чтобы он передумал?

– Уже и спросить нельзя! – они всегда немножко ругались, когда речь шла о брате.

Утро субботы все провели, как на иголках.

Мать, вопреки всякой логике, заказала доставку органических продуктов и развела кипучую деятельность по приготовлению вручную «домашней еды», как будто Саша не работал в колхозе и не рвал при малейшем желании овощи-фрукты прямиком с мест их произрастания.

Отец не выдержал сумасшедшей активности на кухне и предпочёл ретироваться на открытую террасу над нашей квартирой, куда и я попозже сбежала. Вид на Москву у нас шикарный – живём на верхнем этаже высотки для работающих в пределах города, что очень удобно, всегда можно вызвать роболёт прямо на крышу, если торопишься.

Почти весь трафик шёл ниже нашего уровня, и отсюда город казался настоящим муравейником, если не считать ослабленного исторического центра с музеями и парками, но его почти полностью закрыли башни Управления.

Отец стоял у ограждения и задумчиво смотрел на них, когда я подошла.

– Пап, а что всё-таки тогда произошло с ним?

– С кем? – он переспросил, хотя прекрасно понял, про кого я.

– Сам знаешь. Я про Сашу. Почему он забросил учёбу? Что тогда случилось на самом деле?

– А ты спрашивала у него?

– Когда я была ещё девчонкой, да, но он не объяснил толком. А сейчас не знаю, как это лучше сделать, чтобы не расстроить. Он же переживает, сам знаешь.

– Думаю, будет лучше, если ты поговоришь об этом с Сашей.

– Но ты же в курсе? Почему не хочешь рассказать?

Отец помрачнел лицом и молчал какое-то время, всматриваясь вдаль, а потом повернулся ко мне и твёрдо сказал:

– На самом деле, я понятия не имею. Однажды он вдруг разочаровался в самой идее быть активатором миров и практически перестал учиться. Не знаю, помнишь ли ты, как он был лучшим в классе?

– Смутно. В основном вспоминается, как его ругали за плохую учёбу.

Мысленно часто возвращаюсь к тому моменту, когда дошло, что мы застряли тут.

Хорошо помню глаза Каринского, когда он понял, что ничего не произошло – уверенность и известное самодовольство почти мгновенно сменились на какой-то животный

ужас. Сначала мы тупо пытались перезапустить процесс перехода между реальностями, а потом провели диагностику.

На самом деле мы потом провели её не меньше тысячи раз, но результат всегда был один, и он обескураживал – выходило так, что мы успешно вернулись, куда надо.

Но мы-то остались!

В нелепой зимней одежде посреди крохотного села где-то в Ставропольском крае, где только что подправили судьбу будущего злого гения всей планеты, а тогда просто расстроенного до соплей мальчика Миши Меченого.

Принять очевидное было трудно. Понадобился где-то год, чтобы мы действительно осознали, насколько всё плохо.

Сначала мы скупно тратили возможность влиять на ход событий – только для прикрытия и обеспечения себя законным статусом. Иногда меняли легенду, чтобы устроиться получше, если вдруг нам хотелось немного сменить обстановку. Пробовали и другие страны, но всегда возвращались сюда, в Советский Союз.

Однажды мы с Каринским даже разъехались – он решил пожить в Париже и вдруг завёл шашни с какой-то то ли актрисой, то ли художницей, то ли ещё что похуже, уже и не помню, а я как раз вернулась в Союз из надоевшего до чёртиков Осло и категорически не хотела никакой европейской зимы.

Следующие года два или три прошли недурно, и я даже решила, что без него мне гораздо лучше живётся – проще

делать вид, что нет и не было никакого такого прекрасного будущего, которое почему-то не смогло принять нас обратно. Угнетало только то, что отношения без возможности по-настоящему открыться на свой счёт казались выхолощенными и не вдохновляли – уж не знаю, как он с этим справлялся, наверное, вообще не разговаривал с пассиями.

В тот день, когда Каринский прилетел из Парижа и вот так запросто вернулся ко мне со смешным букетиком пожухлых тюльпанов и виноватой улыбкой, мы впервые заметили, что не стареем. Лет пятнадцать прошло, а он ничуть не изменился, а ведь ему-то уже должно было быть под полтинник.

После этого мы уже гораздо тщательнее меняли имена и профессии, чтобы не попасться на глаза слишком старым знакомым в неизменно молодом и красивом виде.

Именно в те годы я нашла себе дивную мансарду неподалёку от вскоре построенного Калининского проспекта и долгие годы обитала в ней, всюю используя «невидимость» от соседей. Никто из них не мог точно сказать, откуда нас знает и точно ли мы живём в этом доме, а не пришли к кому-то в гости. Работало безотказно.

Идея попробовать как-то исправить этот мир пришла уже в восьмидесятые, когда мы наконец воочию заметили плоды собственной активации.

Подросший Миша Горбов, он же Меченый, замелькал по телевизору, и мы тут же поняли, что дело пахнет керосином. Привычка прожигать жизнь сменилась осознанием, что

мы станем живыми свидетелями заката этого мира, и стало неприятно смотреть на себя в зеркало.

Помню, как Каринский выключил ящик после очередных новостей и сказал:

– Таня, скажи, ты думаешь о том же, о чём и я?

Мелькнувший в его глазах призрак дикой надежды говорил сам за себя: бесполезно делать вид, что всё в порядке, подумаешь, мир катится в пропасть.

– А как мы сможем рассчитать нейтрализующее воздействие на этого горе-деятеля без технического отдела? Мишу Меченого ведь лучшие аналитики подняли, сам говорил, – не могла не возразить по существу, хотя мне очень понравилось, как он весь вдруг встряхнулся, и сразу же отчётливо проступил потускневший образ прежнего Каринского – легенды операторов альтернативных миров и кумира тех наивных девочек-идеалисток, какой я сама была ещё лет сорок назад.

А Каринский реально загорелся идеей спасти Союз и то, во что он должен был превратиться в «правильном» будущем. Да, мы не могли туда вернуться, но почему бы не исправить всё прямо здесь?

– Просто нейтрализовать Меченого теперь не получится, конечно, всё зашло слишком далеко, – Гена вошёл в раж, – но мы же можем попробовать что-то сделать! Или ты хочешь молча наблюдать, прекрасно зная, как всё будет?

– Про молча я ничего не говорила, заметь, – и налила ему

из кастрюли ещё тарелку горячего борща, он всегда лучше соображал, если кормить в процессе течения мысли.

– Смотри, то, что мы можем влиять на кого угодно – это факт. Весь вопрос в том, что конкретно изменить, чтобы не стало ещё хуже. Но неужели не сможем разобраться? Как следует всё продумать?

– Я оригинальную историю всё ещё помню на зубок, конечно, но здесь уже пошло не в ту степь, – деятельный Каринский нравился мне гораздо больше рефлекслирующего, так что смело раскачивала лодку, – и, сам знаешь, многое решается за закрытыми дверями, как будем отслеживать? Данных-то нет.

На самом деле, это не такая уж и проблема.

В последние несколько десятилетий я выглядела, как только что окончившая ВУЗ длинноногая фея с полудетским выражением огромных серых глаз – трудно предположить, что в сём милом создании кроется довольно жёсткий персонаж с богатым опытом манипуляции. Внешность обманчива, увы им и ах.

Может быть, начинающая журналистка с протекцией от главного редактора издательства? Или перспективная аспирантка в сфере международной дипломатии? А хоть бы и личный секретарь-референт? Вариантов проникнуть в высшие сферы и остаться почти незамеченной очень много.

Мы боялись действовать наобум и следующие несколько лет аккуратно создавали свою собственную сеть – люди всё-

таки ужасно болтливы, не перестаю удивляться. Очень часто даже не нужно было использовать специальное внушение, они и сами отрабатывали, как надо.

Пружина будущего развала страны всё сильнее и сильнее сжималась, а мы потихоньку выстраивали план сброса со счетов лишних фигур и идей.

В последние месяцы толком и не бывали дома, а всё свободное время тратили на бурные обсуждения текущей повестки. Кухня любимой мансарды на Новом Арбате превратилась в самый настоящий штаб сопротивления.

Однажды даже решили, что действительно близки к цели. Пасьянс из самых влиятельных карт просто обязан был сложиться!

Но не учли другого – обычные люди в Союзе почти поголовно позволили себя одурачить. Где мы были, когда это случилось?

Решение приехать в Припять и всё проконтролировать пришло само. Бояться нам было нечего – после одной дурацкой автомобильной аварии я выяснила, сидя прямо на дымящейся грудке металла, бывшей когда-то автобусом и похожей нынче на раздавленную консервную банку, что бодро могу регенерировать любые ткани. У Каринского что-то похожее было с самолётом в «парижский» период, но он не любил рассказывать подробности.

Подробности грядущей аварии на довольно примитивной,

но по тем временам вполне актуальной Чернобыльской атомной станции нам были отлично известны, и тут нельзя было допустить никаких отклонений, слишком она была важна для будущего планеты.

В гостиницу соваться не стали, слишком много внимания к подобным гостям, а сразу пошли к коменданту общежития, чтобы заселиться в качестве молодой семьи. Жизнерадостный комендант тщательно проверил все бумаги и отвел нас в двухкомнатную квартиру на первом этаже, с шутками-прибаутками рассказывая, как много в этом корпусе хороших ребят и как нам понравится город. На майские обещали хорошую погоду и он был уверен, что мы успеем перезнакомиться со всеми соседями. И просил непременно заходить, если что.

Жаль, что этот милый человек не сможет увидеть, как прекрасна может быть сильно разросшаяся Припять через пару сотен лет – бывала там со школьной экскурсией по истории мирного атома.

Погода на самом деле стояла чудесная и мы прошлись до Чернобыльской станции, стараясь как можно точнее вспомнить всё, что нам может понадобиться.

Когда закончилась очередная смена, мы уже ждали около проходной, незаметно выхватывая в толпе тех, за кем нужно было особенно присмотреть. Странно было видеть их, уставших, спешащих по домам и ещё понятия не имеющих, как важно скоро будет всё то, что они сделают или не сделают.

Вечером мы пошли на речку и ещё долго сидели у воды, обсуждая планы.

– Тань, а тебе не приходило в голову попробовать помешать аварии? – Каринский посмотрел на чистое звёздное небо, а потом на такие спокойные отсюда дома, в окнах которых один за другим гас свет – люди ложились спать.

– Честно говоря, приходило. Но как иначе? Сам знаешь... Мы же решили, что попробуем всё исправить?

– Конечно. Просто я не уверен, что у нас получится. И смысл тогда в чём? Жалко их.

– Давай просто убедимся, что ликвидаторы сделают всё, как надо. По крайней мере, мы можем быть уверены в том, что сюда пришлют тех самых людей.

– Даже этого я сейчас не знаю! – Каринский выглядел непривычно потерянным, изменив своей обычной уверенности.

– А зря. Даром что ли мы перетряхнули всех химиков и атомщиков? Вот увидишь, они приедут и всё будет хорошо. У нас же вышло? Вот и они справятся. Главное – не мешать.

Но ободряющие разговоры помогали слабо, и мы буквально сидели как на иголках до того самого дня, когда было начато испытание четвёртого энергоблока. Кажется, мы даже толком не спали, единственные из всех точно отдающие себе отчёт в том, что произойдёт.

Мы знали, что из-за запрета киевского диспетчера авария случится только в ночь на субботу, но не могли заставить

себя отвлекаться от постоянной готовности услышать хлопки и увидеть нехороший дым со стороны энергоблока.

Пока не было смысла стоять у них над душой прямо там, в зале управления, так что мы с Каринским неприкаянно топтались неподалёку от станции, время от времени запихивая в себя чай из термоса и наскоро сделанные бутерброды. Ближе к полуночи решили, что пора, хватит уже играть на собственных нервах, и прошли внутрь мимо охраны, усилив эффект невидимости до предела.

Возможно, охранники могли бы потом вспомнить, как им что-то такое показалось, но кто будет всерьёз разбираться в смутном ощущении, что рядом только что промелькнули призраки?

Найти нужный зал труда не составило, и мы тихонько присели на пол прямо за спинами работающих ребят, один из которых был совсем ещё мальчишка. Ждали скорую развязку, но время, как назло, тянулось со скоростью самой медленной улитки.

На наших глазах звенья в цепочке трагических случайностей и ошибок уверенно связывались, а нам оставалось лишь кусать губы и бросать друг другу нервные взгляды, как бы говоря – ты видишь? Ты же знаешь, что это значит?

Пару раз я чуть было не схватила оператора за руку, особенно – когда тот отключил защиту для проведения испытания... Но Каринский видел, что происходит, и жестами отчаянно показывал мне – терпи!

В момент переключения АЗ-5 и последующих взрывов мы могли бы даже и не прятаться – внимание всех людей было приковано в замершим после ощутимых ударов датчикам.

А дальше всё дико завертелось.

Мы бродили, как тени, между пожарных, и даже сходили за чем-то взглянуть на странное яркое свечение сверху, с крыши, заваленной обломками реактора.

Радиация жгла немилосердно, но мы-то мгновенно восстанавливались, а эти первые ликвидаторы-пожарные по незнанию лезли почти в самое пекло и заливали всё водой. Без особой защиты, настолько слабые были тогда понятия об аварийных регламентах, да и не осознал ещё никто, кроме нас, насколько всё серьёзно.

Тяжело было на это смотреть, но мысленно я повторяла себе снова и снова, как мантру, что случившаяся катастрофа научит всю планету держать мирный атом в узде и очень-очень бережно с ним обращаться. Не могу сказать, что сильно легче становилось, но что ещё было делать?

Нам нужно было дождаться лишь одного человека, получившего от технического отдела активаторов альтернативных миров кодовое имя – Академик. Уникальный химик, перевернувший в нашем будущем весь подход к атомной энергетике, и должен был приехать одним из первых, чтобы помочь разобраться.

Уже давно рассвело и всюду шёл новый день, когда он наконец приехал. Академик выглядел очень усталым, но сра-

зу же осмотрел всё, что было возможно, с беспокойством всматриваясь в поднимающийся столбом дым и пар.

В его глазах я увидела то, чего не было у всех остальных – настоящий страх.

Мы все попытались оценить по достоинству сомнительные кулинарные успехи мамы и высидеть за столом хотя бы минимально приличествующее случаю время, но на деле каждый хотел поболтать с Сашкой о своём, так что общий разговор не клеился.

Отец попытался изобразить интерес к колхозным делам в Айове, но вышло не очень. Брат отвечал односложно и чувствовалось, что расспросы навевают на него скуку. Вялое оживление вызвала лишь тема нового поколения летающих комбайнов, поставленных им на днях из Минска, но этого хватило минут на пять, не больше – новость не из особо примечательных.

После десерта – мамина энергия на нём явно закончилась, и домашний робот-помощник подал всем самое обыкновенное марсианское фиолетовое мороженое – я воспользовалась минутной заминкой с запоздавшим дроном-курьером, вломившимся прямо в открытую балконную дверь столовой, и утащила брата наверх, на террасу.

– Ну что, как тебе предки? – мы плюхнулись в плетёные кресла-летучки, повернутые спиной к башням Управления.

– Как всегда. Вроде так ждали, так звали, а теперь не зна-

ют, что сказать, – на загорелом Сашином лице появилась ироничная улыбка.

– Знакомо.

– Откуда?

– Если я всё ещё живу с ними, это не значит, что они всё обо мне знают.

– И что же у тебя за страшные тайны? Расскажешь старшему брату? – он сделал грозные глаза, – Ты буквально обязана! А не то я буду вынужден разболтать твоим новым коллегам какие-нибудь жуткие детские секреты про тебя! Как тебе угроза?

– Да так себе, – было очень весело снова сидеть с ним вот так запросто.

– А давай серьёзно? – тон его неожиданно полностью переменялся, а взгляд стал цепким и внимательным, – Кто теперь твой напарник?

– Гена Каринский! – вот сейчас я даже показалась себе чуточку выше.

– И как он тебе?

– Ну как? Нормально. Крутой он, конечно, нечего сказать. Есть, чему поучиться.

– Крутой?... Ну-ну, – Саша скептически на меня посмотрел, – А какие у тебя впечатления от первого задания?

– Всё оказалось легче, чем я думала. Попали в прошлое, действовали по инструкции... Ну, сам знаешь.

– Ага. А что думаешь про людей там? Обрадовались они,

как вы их всех разом с Каринским прихлопнули?

– В каком смысле? Строго говоря, это мы их и создали. Точнее сказать, их копии в другом мире.

– А они и спасибо сказать забыли, да?

– К чему ты клонишь? – разговор выходил какой-то глупый, – Какие обрадовались, какое спасибо? Ты о чём вообще? Это же просто запасной мир, чем он сильнее изменится относительно нашего, тем больше энергии мы получим на выходе. Нам теперь что, нельзя использовать вероятностные временные петли? Что там у вас в колхозе за жизнь, раз вам энергия не нужна? Привыкли на подножном корму? Так вы же тоже всю используете роботов, не стесняетесь?

– Эк тебя прорвало! – Сашка выглядел странно довольным, – шпаришь вот прямо по конспектам, но слишком уж горячишься. Признай, ты же это поняла там, в другом мире? Что они такие же люди, как мы? А мы просто выжимаем из их горя несчётные тераватты очень полезной энергии и потом спокойно выбрасываем в утиль. Подумаешь! Так ведь?

И тут меня срочно вызвали – на запястье загорелся и сильно завибрировал срочный вызов от Каринского. На проекции он выглядел обеспокоенным, но всё-таки бросил беглый взгляд на сидевшего рядом Сашку:

– Танюша, бросай всё и пулей сюда, в операторскую!

– А что случилось? – сразу же вскочила, озираясь на хмурого брата.

– У нас резкое падение выходного потока энергии. При-

дётся чуть скорректировать наш с тобой мир. Не волнуйся, со всеми случается, всё поправим в лучшем виде. Жду тебя на месте. Отбой.

По всем показателям выходило, что альтернативный мир неожиданно сам начал худо-бедно выправляться, и выглядело всё довольно тревожно. Не факт, что они выплыли бы из искусственно созданных нами трудностей, но выхлоп от них теперь был просто жалок: разрыв между нашими мирами сокращался прямо на глазах.

В теории такое возможно, хотя возникают вопросы – как?! Мы же всё просчитали! Но это всегда условность, конечно, ведь даже событие с нулевой вероятностью может произойти. Хм.

Аналитик на наших глазах разматывал историческую модель их отклонения и определял исходную точку нарушения тщательно выстроенного плана. Толстяк долго и сердито пытался над виртуальной картой и наконец выдал:

– Вот оно! Чернобыльская катастрофа была прямо удивительно чётко и быстро ликвидирована. Смотрите, да они уже на следующий день полностью завершили эвакуацию всей Припяти! Ничего не напоминает? Да это же наша с вами оригинальная история! Одни в один!

– А что же пошло не так? – Каринский жадно вглядывался в вероятностную карту, – Почему они не прошляпили последствия аварии? Должны же были сесть в лужу! И после такого уже никак нельзя было бы рассчитывать на первен-

ство СССР. Он бы развалился, как карточный домик.

– Меченый затеял чудо-перестройку, здесь полный порядок, – аналитик увеличивал то один фрагмент модели, то другой, – и лично расставил везде максимально бездарное руководство. Вот! Похоже, мы проворонили жизненно важные посты в науке и администрации. Каким-то образом нужные люди всё равно оказались на правильных, то есть на неправильных местах. Как такое возможно? Не понимаю.

– А кто у них занимался ликвидацией последствий аварии? Мы его знаем? – Каринский мрачнел.

– Ты не поверишь. Академик. Тот самый Академик, что и у нас.

– В смысле? Его же должны были выкинуть из науки. Как он мог остаться на плаву?

– А вот в самом прямом смысле! И он лично занимался всем процессом, а потом составил могучий план реорганизации советской атомной энергетики. Товарищи, мы прямо сейчас можем наблюдать, как в результате успешной ликвидации у них был сделан мощный скачок в уже имеющихся атомных проектах, а за счёт их реализации СССР быстро вырвался в абсолютные лидеры.

– Мне кажется, или ты сейчас нам рассказываешь историю всепланетного объединения?

– Ну так у них всё так и происходит, судя по всему. Трудно ожидать другого, когда ведущая держава настолько опережает всех технологически и по ресурсам. Конечно, мы не

можем видеть дальше середины XXI века, но выглядит всё довольно радужно для этого мира. И продолжает меняться, что любопытно. Не могу выделить источник влияния, но постоянно вижу результаты. И они не в нашу пользу.

– То есть исключить из этой реальности атом у нас не получилось вообще? И что мы тогда имеем? Слабого политика, которого скоро сметут, и никакого развала СССР? Плохо, очень плохо... – Каринский задумался. – И сходу не вижу, как можно всё аккуратно исправить без серьёзных усилий.

Дежурные аналитики, а также взмыленные бедолаги-техники, срочно вызванные в свой законный выходной, сидели вокруг с чрезвычайно кислыми лицами. Похоже, наш с Каринским успех стремительно оборачивался провалом: затраченная на создание альтернативного мира энергия вылетала в трубу на наших изумлённых глазах.

Странно, что никто не видел вполне очевидного варианта, и я решила его озвучить, раз уж формально это был мой проект:

– А почему бы нам не сделать так, что общественное мнение будет уверено, что ликвидация была плохой или даже ужасной? Им же не с чем сравнить, да и всегда можно всё перевернуть, вы же знаете, раньше люди буквально верили всему, что им рассказывали. И чем хуже, тем охотнее верили. Да и другие страны будут только рады растоптать своего главного конкурента по планете. Ведь если всё плохо, они же прикроют атомную программу?

– Танечка, да ты гений! – Каринский даже рот раскрыл от изумления.

Под новую задачу срочно вызвали свободных операторов, обычно работающих в конце XX века.

Оставалось придумать, как получше превратить успешную ликвидацию последствий Чернобыля в громкий, феерический провал, и можно было бы спокойно выдыхать.

Настроение в операторской ощутимо сменилось на боевое, работа вокруг закипела, а ещё я периодически ловила уважительные взгляды – ещё бы, девочка-припевочка, а так круто завернула! Не скрою, было приятно, хотя это же классический приём воздействия на историю – не можешь заставить кого-то сделать ошибку, просто сделай вид, что это и была ошибка. Базовый курс ведения альтернативных миров!

Жаль, что я не могла реализовать свою же идею – никто не знает, в чём тут дело, но ещё ни разу не удавалось отправить тех же активаторов в ту же реальность. Конечно, обычно это было и не нужно, но когда косяки вдруг всплывали – очень редко, то поначалу туда пытались отправлять тех же специалистов: сам напортачил, сам же и чинишь. Но не тут-то было! Запасные миры никогда не принимали никого повторно, известный парадокс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.